
Б. П. ПОЛЕВОЙ

**ЗАБЫТЫЙ ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ
ПО ЭТНОГРАФИИ СИБИРИ XVII ВЕКА**
(О сочинении Адама Каменского-Длужика)

Еще в 1874 г. польский ксендз А. Марианский опубликовал в Познани весьма интересный документ XVII в.— воспоминание Адама Каменского (Длужика) о его пребывании в плену в Сибири¹. В кратком предисловии к публикации указывалось, что это сочинение было обнаружено в Гемблице в библиотеке ксендза Петра Кушинского в рукописной книге, озаглавленной «*Silva gegum*». Эта книга была составлена каким-то шляхтичем во времена правления Августа III (1733—1763 гг.), из чего следует, что в 1874 г. сочинение Каменского печаталось по поздней копии. Сам Марианский предупреждал читателей: «Жаль, что копия, публикуемая нами, полна ошибок, перечеркиваний, из-за которых иногда трудно понять ее смысл. Но мы все же не сомневаемся, что это сочинение даже в таком виде будет интересным» (стр. 378)².

Действительно, в опубликованном тексте имеются описки, но число их не столь велико, как это казалось Марианскому. Дело в том, что он к опискам отнес и те русские слова и сибирские собственные названия, которые ему остались непонятными («кочи», «Жиганы» и др.). Но Марианский был прав, когда он назвал сочинение А. Каменского «интересным». Мы же можем добавить, что оно особенно полезно для историков, географов и, наконец, для этнографов Сибири, поскольку в нем имеются довольно любопытные сведения об образе жизни местного населения.

Сочинение А. Каменского имеет небольшой размер, и оно, конечно, менее подробно, чем знаменитый труд Н. Г. Спафария о его поездке через Сибирь в 1675—1677 гг.³ Но здесь важно отметить, во-первых, что Адам Каменский начал свое путешествие через Сибирь еще за 17 лет до Н. Г. Спафария, во-вторых, он побывал в местах, до которых Н. Г. Спафарий не доезжал, и, в-третьих, в его сочинении вопросам этнографии уделено больше внимания, чем в труде Н. Г. Спафария.

Наши отечественные историки давно уже проявляли большой интерес к различным иностранным сочинениям о России, особенно о Сиби-

¹ Kamieński Dłużyk, *Dyaryusz Więzienia moskiewskiego miast i miejsc, «Warta», Poznań, 1874, стр. 378—388.* В дальнейшем ссылки на эту публикацию даются в тексте статьи в скобках после каждой цитаты.

² Перевод большинства приведенных в статье цитат из сочинения А. Каменского был сделан филологами Ю. Г. Балахниным и В. Ф. Касьяновой. Пользуюсь случаем, чтобы выразить им свою благодарность за оказанную мне в этом помощь.

³ Опубликован в кн.: «Записки Русского Географич. об-ва по отделению этнографии», т. X, вып. 1, СПб., 1882, стр. 30—150.

ри. Однако ни в известном трехтомнике Ф. Аделунга «Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 г. и их сочинений» (М., 1848, 1863, 1864), ни в трехтомной сибирской библиографии В. И. Межова (СПБ., 1891), ни даже в таком замечательном труде как «Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей» академика М. П. Алексеева (Иркутск, 1 изд., т. I—II, 1932, 1936; 2 изд. 1940), как ни странно, нет никаких упоминаний о заинтересовавшем нас сочинении о Сибири. Таким образом, сочинение А. Каменского только теперь впервые попадает в поле зрения наших отечественных исследователей. Пока еще рано давать всестороннюю оценку сочинению А. Каменского-Длужика — оно еще должно быть тщательно изучено, но уже теперь нам представляется целесообразным сделать краткий обзор сведений по этнографии, которые в нем имеются.

Прежде чем начать общий обзор этнографических сведений Адама Каменского, напомним кратко, как этот польский наблюдатель попал в далекую Сибирь.

20 октября 1657 г. русский военачальник Юрий Долгорукий нанес поражение польским войскам на реке Басе вблизи Могилева. У одной из пушек русские обнаружили прикованного цепью артиллериста. Это и был Адам Каменский.

В январе 1658 г. Каменский вместе с другими польскими военнопленными был привезен в Москву, а в середине февраля он уже ехал в Сибирь традиционным путем: из Троицко-Сергиевского монастыря на Переяславль-Залесский, Ростов, Ярославль, Тотьму, Вологду, Великий Устюг, Кайгородок и Соликамск. По Сибири его путь лежал через Тюмень, Тобольск, Самаровский ям (близ современного Ханты-Мансийска), Сургут, Нарым, Кетский и Маковский остроги, Енисейск, Илимский острог и далее на Лену — в Якутск. Кроме того, Каменский в своем сочинении указывает, что он побывал в Жиганах, в острожке на реке Ламе (Охотске?) и, наконец, в низовьях Амура.

В сочинении Адама Каменского даются краткие характеристики очень многих народностей. Он писал о зырянах (коми), об остяках и вогулах (ханты и манси), о сибирских татарах, о тунгусах (ангарских и верхоленских эвенках), об якутах, охотских эвенах, о гиляках (нивхах) и др.

Многие приведенные им сведения по этнографии давно уже известны этнографам. Но тут важно учесть, что этнографические наблюдения Каменского были сделаны в Сибири более чем триста лет назад, а в распоряжении современных исследователей имеется не так уж много источников по сибирской этнографии XVII в. Поэтому для советских этнографов имеет немаловажное значение уже само по себе включение в научный оборот еще одного источника сведений по сибирской этнографии XVII в.

Адам Каменский заинтересовался жизнью малых народностей России еще на пути к Уралу — на реке Каме. Там за русской крепостью Кайгородок он впервые встретился с коми-зырянами. Но в этот период он еще не пользовался той свободой передвижения, какая была ему предоставлена позднее, возможно, поэтому он смог составить лишь довольно неопределенное представление о коми-зырянах.

Каменский писал о коми-зырянах: «Люди занимаются промыслами в лесах и на водах. Стрелки из лука. Язык похож на жмудский (? — ред.). Земля у них каменистая — скалы, да большие горы. Леса. Поля мало что имеют». Далее Каменский жаловался на то, что зыряне никогда не пускали проезжих к себе в дом на ночевку. При встрече с иностранцами проявляли большое любопытство и иногда давали им

милостыню — «больше всего рыбой, так как хлеба у самих мало» (стр. 380).

Каменский интересовался и религиозными представлениями коми-зырян. «Вера у них русская, — писал он, — говорят, что их крестил святой Стефан» (стр. 380). Здесь, несомненно, имеется в виду епископ Стефан Пермский, с именем которого издавна связывалось происходившее еще в XIV в. крещение коми-зырян. Стефана Пермского очень хорошо знали в Сибири XVII в., так как в те времена в России пользовались довольно широкой известностью «Жития Стефана Пермского».

За Верхотурьем Каменский встретил вогулов (манси). Как верующего католика его прежде всего поразило, что вогулы «не знают бога». У них в лесах — сообщил Каменский — «имеются так называемые шайтаны (sztany). Там в местах скрытых они и собираются для совершения своих обрядов и очень богато их («шайтанов». — *Ред.*) украшают, вешают на них соболя, серебро, всякую посуду, которую покупают у Москвы (здесь под словом «Москва» подразумеваются русские. — *Ред.*)... В лесу они имеют становья, сделанные из дерева, низкие с одним окошечком, огонь день и ночь горит в очаге. Не имеют ни печей, ни дверей, только дыра вместо двери. Скамеек тоже нет, лишь на земле сидят. Живут они охотой, но и хлеб едят, так как покупают его у Москвы за олени и лосиные шкуры. Когда убивают медведя, над ним плачут, приговаривая, что не мы тебе смерть причинили, а лук наш. Потом его съедают и молят его голове, которая всегда в кочевье в углу стоит посудой накрытая (statkiem pakryta), и около нее навешаны различные сукна. Эти люди не сеют, довольствуются только дарами леса, рыбы у них мало или совсем нет, так как не имеется больших рек» (стр. 381).

Находясь в Тобольске, Каменский интересовался жизнью местных татар. «Эти татары, — писал он, — пользуются многими вольностями и сеют себе хлеб, а именно полбу (orkiszu) и пшеницу, и овес. Рожь сеют мало... Бывают также татары-охотники, держат птиц, кречетов, которых кормят рыбою. Есть и косматые борзые (charty kosmate). Коной имеют очень хороших, на которых догоняют лисиц и арапниками бьют. Чернобурых лисиц отдают в царскую казну, продавать их никому не разрешается. Есть у них и очень хорошие панцири — шугай (szygami) очень хорошей формы, и фазаньи перья и огненные ружья» (стр. 382).

Каменский также указывал, что в те времена в Тобольске у татар были верблюды, на которых они ходили «в Бухары» и даже «в Дауры».

В низовьях Иртыша недалеко от Самаровского яма любознательный поляк впервые столкнулся с остяками (хантами). «Они не сеют, не пашут, только живут рыбой и птицей, которой там несметное число, а именно — лебедей, гусей, уток, каких у нас (т. е. в Польше — *Б. П.*) нет. Сами эти остяки ходят в рыбьих шкурах и обувь из нее носят, кожухи гусиные и лебединые. Живут кочевьями по островам. Различную рыбу себе вялят на зиму, а жир рыбий собирают в сосуды, сделанные из березовой коры размером в две локани. Этот жир пьют по квартире в теплом виде, что нас удивляло. А сети делают из крапивы (z rokrzup) и рубахи делают из крапивы. Едят какие-то грибы (bedlki) наподобие мухоморов. Пьют сделанный из них напиток горче горилки. И это для них лучшее пиршество (bankiet). Также едят хлеб, который выменивают на рыбу — ее там нетрудно достать. За какую-нибудь тряпицу («онучку» — opuszcze), только белую, или же за иголку там можно достать такого осетра, какого мужик не сможет унести...» (стр. 382).

Во время плавания по Оби, вблизи устья Ваха, Каменский сталкивался с другой группой остяков, у которых заметил ярко выраженные тотемические представления: они «верят в лебедей, в журавлей, в уток и называют их богами». Он пояснял: «А в которую птицу верят, ее не едят, только общипав на дерево сажают и им молятся и кланяются» (стр. 383).

В районе Шаманского порога на Ангаре Каменский встретился с эвенками. По его словам, эти люди были «голыми» (дело было в разгаре лета), «лица расписаны разными красками так, что нельзя узнать, где мужчины, а где женщины». Каменского весьма тронуло отношение эвенкийских женщин к польским пленным. Вспомнив про своих детей аманатов (увезенных будто бы в Москву), они выразили полякам свое горячее сочувствие и принесли им «несколько десятков соболей, рыбы в изобилии и оленьего мяса». Каменский писал: «Эти тунгусы — народ легкий, удивительно стреляют из лука, весьма проворны. Зимой и летом кочуют от реки к реке с целью пропитания. Едят наполовину сырое... Жен имеют до девяти (? — ред.), а жены их также хорошо из лука стреляют, как и мужчины. Оленей у них большие стада — по тысячи (? — ред.) и больше. Имеются у них прирученные олени, которые диких оленей обманывают таким способом: на рога оленю накладывают ремешок аркан длиной около десяти локтей, когда приходит дикий олень, домашний олень с ним играет и при этом свой аркан на него накидывает и с ним сплетается, и тогда хозяин оленя или пастух стреляет из лука в дикого оленя и его убивает и кровь его с водой пьет» (стр. 383—384). Тут же Каменский приводил любопытные сведения о любимой игре ангарских эвенков: «встают они в круг, а один ложится в середину и крутит привязанный камень или кость, а остальные стоят босые и нагие и лежащий кричит по-тунгуски такие слова: «Мульты мутике»⁴ и крутит привязанную кость около головы, как только может видеть глаз, а остальные подсакивают в такт и тому, кто поздно подсакивает, достается по коленям и его считают глупым и гнусным» (стр. 384).

Каменский был поражен большой смелостью эвенков, которые обычно ходили на охоту в одиночку. Восхищался он и умением эвенков бить птицу из лука на лету.

Особенно большой интерес у него вызвал способ передвижения эвенков зимой по Ангаре. «Эти тунгусы, — писал Каменский, — из Енисейска ездят нартами — особые сани, но только узкие, шириной на поллоктя или чуть побольше, и длиной — локтей 12: могут на них везти [груз] до 25 камней⁵ при упряжке в 4 собаки (? — ред.), когда же есть ветер, то нарты движутся под парусом: псов укладывают на нарты, а сам [каюр] стоит, натянув у дышла парус, и бегут сани на лыжах, как стрела. Если псы отстанут (zostana), а ветер хороший, то псы едва догоняют за три дня. То (расстояние), что водой проходят за 12 или 13 недель, нартами проходят за 6 недель, если ветер хороший» (стр. 384).

Может возникнуть сомнение, не относится ли сообщение о подобных «буерах» не к эвенкам, а какому-либо другому народу, может быть, к кетам, тем более, что Каменский, по-видимому, не знал о существовании кетов как отдельной народности. Такого рода неточность вполне могла оказаться в сочинении Каменского. Однако здесь следует учесть, во-первых, что сообщение о «буерах» включено в рассказ об ангарских эвенках, во-вторых, кетов Каменский явно относил к остякам и, наконец,

⁴ По-видимому, это выражение означало «олени наши» или «мы олени», ибо слова «мульты» означает олень, а «мут», «мутги», «митги» — местоимение «мы» или «наш». Следовательно, в этой игре ее участники изображали ловко прыгающих оленей.

⁵ Камень — старинная польская мера веса = 10,14 кг.

в-третьих, что «упряжного собаководства кеты не знали»⁶. Но вполне возможно, что ангарские эвенки XVII в. в зимних условиях использовали летний опыт тех же кетов, плававших по Енисею на своих «илимках» под парусами.

В описании Каменского имеются также краткие сведения и о захоронениях ангарских эвенков. «В земле умерших не хоронят, так как считают, что она их не принимает. Только на деревьях они оставляют в определенных местах — на кедрах, если встречаются остров с кедрами, или на соснах. Оставляют, уберегая от зверя, однако умерших часто сбрасывает россомаха — черный кудлатый, плохо пахнущий хищник, похожий на собаку и медведя» (стр. 384).

Не будет преувеличением, если мы скажем, что до А. Каменского никто из бывавших в Сибири так подробно не описывал образ жизни ангарских эвенков.

Затем Каменский перешел к описанию верхней Лены. «Там все тунгусы живут. от Олёкмы начинаются якуты, у которых языческая вера...» (стр. 385). Характеристику якутов А. Каменский дал явно пристрастную. Но и в этом случае в его описании имеются некоторые любопытные подробности.

Якуты — отмечал он — «имеют очень большие табуны коней и более всего — белых. Скота у них также достаточно. Разводят очень больших быков, носы у которых проколоты как у медведей. Есть у них также и коровы. Все ездят на них, а едят коней... ходят... с луками, на голове носят капюшоны с журавлиными перьями (стр. 385—386). Зимой якуты, по словам Каменского, «ходят в оленьих и воловьих шкурах шерстью к телу, а другая шкура — навыворот». «В ушах носят серьги великие, как тарелки серебряные, на лбу носят круги, а на шее серебряные и медные обручи».

Оружие якутов казалось Каменскому громоздким и странным: «луки у них большие, выше человека, а тетива из ремней» (стр. 386).

А. Каменский подтверждал, что еще в середине XVII в. якуты сами выделывали очень неплохое железо. «Железо,— писал он,— собирают по ленским берегам кучами, и оно хорошее, как сталь, но в ремесленниках нехватка, а потому справляются с ним как могут» (стр. 386).

А. Каменского поражало богатство якутской фауны. «Там,— рассказывал он,— неслыханное множество зверей и птиц, но язычники не умеют их готовить, едят их как собаки. Самое большое — перья ощипают. У кого есть котел — тот варит, у кого нет — тот парит камнями в квашнях или корытах без соли» (стр. 386).

Но особенно огорчало ревностного католика мировоззрение якутов: «Ни в чем не видят греха. Ни бога, ни веры...» (стр. 386). Эти сведения скорее говорят о том, что Каменскому не удалось собрать достаточно полного материала о духовной культуре якутов середины XVII в.

Далее Каменский повторял традиционные известия о северной «собачьей стране»: «Там на море большие горы и люди дикие. Очень любят собак, которых имеют по несколько десятков и несколько сотен. Тот, кто имеет больше собак,— тот наибольший господин. На собаках ездят, их едят, в собачьих шкурах ходят и за дочерей в приданое дают собакам... Собак ценят дороже соболей и других ценных зверей. Простой народ ничего другого не имеет, кроме собак» (стр. 386).

Вслед за этим Каменский рассказывал о шаманах: «Язычники, идолопоклонники, чародеи, умеющие разговаривать с дьяволами, которые

⁶ «Народы Сибири». Под ред. М. Г. Левина и Л. П. Потапова, М.—Л., 1956, стр. 691.

к ним являются в образах различных животных — певчих птиц, змей, воронов (кто во что верит) — и эти колдуны показывают их людям, а бога даже не знают. Эти люди живут у реки Ламы» (стр. 386—387).

В XVII в. рекой Ламой часто называют реку Охоту и, следовательно, здесь речь шла о шаманах у охотских эвенов. В пользу этого предположения говорит и то, что вслед за рассказом о шаманах в сочинении Каменского идет речь о поразительных рыбных богатствах реки Ламы «И рыбы с моря идет много, а больше всего рыбы *botki* (?), которая поднимается вверх миль на пять и дальше не идет и которой набирают на целую зиму, она величиной с локоть, очень жирная. Пожив в этой реке, рыба эта худеет. Зубы у нее вырастают величиною в палец. Она так обдирается о камни, что у нее видны ребра, и она подыхает. И ее поедают белые лисицы (?), птицы, медведи, которых там великое множество...» (стр. 387).

Это сообщение А. Каменского совпадает с тем, что о реке Охоте еще в 1646 г. рассказывал участник первого русского похода на Тихий океан Н. И. Колобов: «А река быстрая и ту рыбу в той реке быстредью убивает и выметывает на берег и по берегу ее лежит много, что дров, и ту лежащую рыбу ест зверь»⁷. Н. И. Колобов указывал, что эту рыбу местные жители называли кета, что означало «горбунья». Возможно, слово «*botki*», искаженное «горбатки» (горбуша).

Каменский утверждал, что ему также удалось по морю попасть «к людям, которых называют гиляки» (нивхи). У них он видел в специальных клетях медведей. Однако Каменский не понял, зачем нивхи держали медведей. Он полагал, что гиляки «ездыт на медведях и так ими управляют, как у нас конями, но обрезают им когти и вытаскивают зубы и кормят их в стойлах как волов и едят их также» (стр. 387). Характеризуя внешний вид нивхов, Каменский писал: «Тот народ тоже дикий, женщины — очень гладкие, высокие, имеют кольца в нижней губе, а мужчины в носу — медные и серебряные» (стр. 387). Действительно, некоторые нивхи в старину носили подобные украшения. Упоминания об этом есть во многих русских документах XVII—XIX вв.

Особенно ценным является последнее сообщение Каменского о земле гиляков (нивхов): «Там хлеба нет, лишь звери и рыба, однако дают царю дань очень большую» (стр. 387). Действительно, из документов середины XVII в. нам известно, что русские в 50-х гг. XVII в. получали от гиляков (нивхов) очень большой ясак. Достаточно вспомнить, что в 1655—1656 гг. амурские казаки смогли собрать в «земле гиляков» 4827 соболей⁸.

Каменский утверждал, что этот поход в «землю гиляков» состоялся в 1659 г. Однако в это поверить нельзя, ибо из Москвы в Сибирь он был направлен в начале 1658 г. и в пути (как он сам рассказывал) провел несколько зим. Следовательно, на Амур он не мог попасть ранее начала 60-х гг. XVII в., но это не могло быть и позднее середине 60-х гг. XVII в., ибо в это время он получил разрешение вернуться в Польшу.

Когда А. Каменский и его товарищи возвращались в Москву, знаменитый тобольский воевода П. И. Годунов задержал их на шесть недель в Тобольске. Как известно, при П. И. Годунове в Тобольске расспрашивали многих бывалых людей о дальних землях. Поэтому вполне возможно, что Адам Каменский и был главным виновником появившегося в росписи к чертежу Сибири 1673 г. фантастического сообщения о том,

⁷ «Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии», Сб. документов. Составлен Н. С. Орловой. Под ред. А. В. Ефимова, М., Географгиз, 1951, стр. 140.

⁸ Б. П. Полевой, Первооткрыватели Сахалина, Южно-Сахалинск, 1959, стр. 65.

что гиляки будто бы «ездят на медведях»⁹. Отмечу здесь, что ни в одной отписке амурских казаков 50-х гг. XVII в. такого известия нет.

Сочинение Каменского также содержит немало любопытных сведений об образе жизни русских поселенцев на всем пути следования военнопленных поляков в Восточную Сибирь.

Вот, например, как он описывал город Сольвычегодск. «Город деревянный, каменных стен мало, кроме церквей. Товары привозные, кроме рыбы палтуса, похожего на наш ментус (*mentus*), но только очень большие — на двух возах трех рыб не увезти. Имеется также треска, которая у нас штокфишем (*sztokfiszem*) именуется, но там она соленая, а не сухая. Ее как и штокфиш едят сваренную с квасом или с давленными ягодами... Хлеба имеют мало» (стр. 380—381).

Рассказывая о Соликамске, Каменский довольно подробно описывал устройство местных соляных варниц. Он утверждал, что тут имелись большие котлы, емкостью в 100 лоханей. К ним через большие деревянные трубы, сделанные или из целого ствола кедра, или осокори, поступала вода. И таких варниц было здесь около 500. «Другая соль, — добавлял Каменский, — в полторах милях. Небольшое озерко. Три варницы, но очень большие. Там соль делают на царя наши пленные и украинские казаки...» (стр. 381).

Привлекают внимание и краткие характеристики ряда сибирских городов — Туринска, Тюмени, Тобольска, Енисейска, Илимска и, наконец, Якутска.

Вот что он писал, например, о Тюмени: «...город очень красиво расположен. Хлеба, рыбы много. Вдоль озер река Тура подошла к нему, но уже не каменистая, а ровная, очень красивая. Вокруг города — острог (т. е. палисад из острожин), двое ворот. Деревянная башня (*zámeszek*). Деревни и слободы там довольно богатые» (стр. 381).

Аналогичную характеристику он дал и Тобольску, расположенному двумя ярусами — на горе и «на доле». Здесь его особенно поразила дешевизна рыбы: «бывает 10 язей можно купить на копейку» (стр. 382).

Столь же положительно он характеризовал и Енисейск: «Этот город очень людный и богатый купцами. Товаров много. Деревень достаточно. Хлеб обильно родится и даже он не дорог. Пуд жита по две копейки, а муки — по три. Рыбы большое число, птицы и зверя тоже» (стр. 383).

Несколько иную оценку наш автор давал Илимскому острогу. Здесь он впервые столкнулся с очень большой дороговизной. Каменский писал: «Локоть полотна стоит полторы — три злотых. Игла иногда стоит 9 грошей. Вообще это очень бедный городок, комаров и мух — тьма. Здесь даже смазывают тело дегтем. Мажут даже лошадей и скот». Отмечал он также, что там «хлеба достаточное количество», но «рыбы и зверя мало».

Об Якутске он писал: «Этот городок лежит на очень красивом, веселом, но голодном месте: там ничего не родится, кроме капусты, и то без качанов, и репа редко удаётся» (стр. 386). При этом Каменский одним из первых указал на вечную мерзлоту как на главную причину неудач первых русских сельскохозяйственных опытов в Якутске. Он объяснял: «Там ничего не родится, из-за того что земля оттаивает не больше чем на локоть» (стр. 386). И далее: «Там всякая вещь дорога, кроме мехов, но их трудно вывезти. Женщины там ходят в тонких оленьих шкурах вместо рубах, в собольих капюшонах, в атласных платьях, соболем подшитых, но без рубах, разве лишь на торжественные

⁹ А. Титов, Сибирь в XVII веке, Сб. документов. М., 1890, стр. 49.

праздники они надеты на них. Там и хлеб едят в торжественных случаях, а мясо едят как хлеб, и рыбу с ягодами, дичь, живущую там в огромном числе. Пьют они и молоко кобылье» (стр. 386).

Описывая свое путешествие из Якутска, Каменский сообщал довольно любопытные сведения о гигантских калугах верхнего Алдана (района Учюра), об охоте на белых медведей и т. д.

Особый интерес представляют сведения А. Каменского о строительстве знаменитых русских кочей. Коч, — писал он, — «по форме судно, но только без железа. Прутьями сшит и деревянными гвоздями сколочен, а железа и на грош в нем нет» (стр. 387). Сообщение это подтверждает аналогичное описание устройства восточносибирских кочей, данное таким тонким наблюдателем, каким был В. Г. Богораз¹⁰. Каменский подтверждает, что в середине XVII в. русские умели строить кочи без использовании железа. Говоря это, мы отнюдь не отрицаем, что уже в XVII в. при строительстве кочей на усть-кутском плотбище использовались железные скобы, а иногда и гвозди. Не следует забывать, что само слово «гвоздь» произошло от западнославянского понятия «лес», «дерево» и в XVII в. под словом «гвоздь» часто имели в виду деревянные гвозди.

Итак, сочинение Адама Каменского, бесспорно, содержит некоторые подробности, которых нет в других описаниях Сибири XVII в. Это и делает его особенно интересным для этнографов и историков.

В самой Польше сочинение Адама Каменского иногда называют древнейшим польским описанием Сибири («pajstarszym polskim opisem Syberja»)¹¹. Правда, его издатель Марианский указывал, что в биографии священника Андрея Боболя, написанной Иеронимом Каисевичем (Hieronim Kajsiwich) и опубликованной в Париже еще в 1854 г., сообщено (стр. 29), что в сочинении иезуита Станислава Ростовского (S. Rostowskiego) по истории Литвы имелось упоминание о поляке Кавечинском, который еще до Адама Каменского описал свои скитания по Сибири. Но так как записки Кавечинского до сих пор не найдены, труд Адама Каменского действительно можно считать самым древним из дошедших до нас польских сочинений о Сибири.

Работа над изучением этого интересного памятника должна быть продолжена. В настоящее время встает задача — разыскать в наших архивах документы о пребывании Адама Каменского в Сибири. Эта задача не является легкой, но ее нельзя считать неразрешимой. И, вполне возможно, уже в недалеком будущем нам удастся сделать первое сообщение о результатах этих поисков.

¹⁰ «Кочи были сшиты из деревянных досок — раздвоенных ивовым корнем. Они были сколочены деревянными гвоздями, сквозь верченые дыры, конопачены мхом; слегка помазаны по швам сырой смолой — живицей». В. Г. Богораз, Чукчи, ч. 1, Л., 1934, стр. 37.

¹¹ «Hustrowana Encyklopedia trazaski, everta i michalskiego», Warszawa, t. 2, стр. 824.